

РІ 1293045
А

Р

Нина Веселова

УТРО ЖИЗНИ

В областную
библиотеку
с надписью,
что книжка эта
не будет принадле-
жать школе.

НВЗ

10. 4. 2000.

Нина Веселова

УТРО ЖИЗНИ

Рассказы о сыне

Вологда
2000

Нина Веселова

Родилась в Ленинграде в 1950, закончила Ленинградский университет, факультет журналистики, жила и работала в Вологде, работала в областной прессе. Сценарист, организатор совещания пишущих женщин Северо-Запада, публиковалась в областных и центральных изданиях, в том числе в журналах «Свеча», «Север», «Советская женщина», «Дружба народов», «Очаг». Автор неизданных книг «Я не поэт», «Годовые кольца». Пишет исповедальную прозу, пьесы, сценарии, критические статьи, активно участвует в общественной жизни. Живет в д. Починок, в Нейском районе Костромской области. Член Союза российских писателей.

ЕХААА ХАВРОНЪЯ

Выгляньте в окно - там труженицаласточка то и дело ныряет под карниз дома, таща в клюве червяка своим неугомонным птахам. "Есть! Есть!" Нет у них иного желания, кроме как насытиться и провалиться в сон, чтобы скорее вырасти...

Нам бы их заботы! Когда-то и наши малыши то и дело требовали - есть! пить! спать! А теперь, смотрите, из тех кулечков, что вручили нам в роддоме, из тех томно прижимавшихся к груди комочков... Господи, когда же они вымахать-то успели, когда обрели стать и, главное, разум? Ведь только и было, что тревоги о физиологии, словно нет ничего важнее. Но из нее, из познания ее хитроумных законов вдруг прорезалась у них тяга к осмыслению всего, что окружает, и ум обострился, стал сравнивать свои ощущения с чувствами других живых существ, сопереживание родилось, ответная боль, первые ценности и - выводы о смысле бытия. А всего-то и прошло - с двух до пяти, не более...

Просыпаюсь оттого, что меня кто-то тормозит. Надо же, как я отключилась после бессонных ночей, даже утро прово-

ронила. Солнце уже поднялось над лесом, тянется через прясло к моему изголовью, а я не слышу, не чую... И только этот милый голос, этот единственный в мире звук способен оказался вернуть меня к действительности.

- Ты моя миленькая, вставай! Я уже проспался, я кушать хочу!

Он глядит на меня с улыбкой и верит, что всегда мне будет что ему подать в ответ на его просьбу.

Чем взрослее становится, тем чаще просыпается с чувством голода, - растет. А я, честно признаться, мама не из лучших, случается иногда, что по экстренной просьбе в рот положить и нечего. А может, это жизнь такая смешная подошла... не в этом суть.

Словом, просит малыш поутру:

- Я сейчас хлеба захочу!

А у нас распорядок такой: сначала я козу подою, и тогда он, молока якобы не пьющий, употребит его вместе с толокном и покрошенным туда хлебом. Это у нас "йогурт" называется. Если в него еще и ягод добавить, то ни в какое сравнение с магазинным не пойдет! Однако если хлеб вернуть сухим и заранее, то это лаком-

ство в живот уже не поместится, поэтому я и не приветствую "кусошничество".

Мальчик мой это знает и, вспомнив, идет на попятную - лишь бы по моему лицу не пробежала тень.

- Слушай, - деловито спохватывается он, - я придумал шикарную задачу - подождать! Верно?

Насчет "подождать" он у нас вообще-то молодец. Истерик по поводу еды никогда не закатывает, если приходится, довольствуется куском хлеба с солью да целебной сырой водой. Сладким не избалован - и из принципа, и из-за недостатка достатка. Потому, когда ему дарит кто-то конфету, он никогда не сует ее сразу в рот, а кладет в карман. "Вечером с чаем выпью!" А недавно так, видно, захотелось сладкого, что не сдержался, последовал моему совету - съесть.

- Ладно уж, - нехотя развернул бумажку, - пусть руки будут липкие, вымоем, да?

Если балуется жвачкой, то обязательно протянет нам откусить для пробы. Муж отказывается, а я чаще нет. Чтобы не решил сын, что мы это для вида просим. Делиться - закон в семье, потому что ви-

тамины одинаково нужны и малым, и старым.

Как-то залежался в пакете кусочек сахара, последний, а купить новый сможем только завтра. Вот мальчик ходил-ходил около него и все-таки пристроился пить чай. Обмакнул в него лакомство, откусил немного - чтобы еще и папе осталось, а сахар-то у него в руке и разъехался от воды.

- О- ой, - испугался сын и глянул на отца, - развалился он у тебя...

- Дак ты ешь весь!

- Да? - он оглядел свои сахарные пальцы. - Ну что же поделаешь, придется...

В деревне мы лишены городских соблазнов, и многих сладостей, облюбованных другими детьми, мальчик наш не пробовал, и слава Богу. Он даже на прилавки в магазине не заглядывается. Ему, как и нам, милее лесные и огородные дары. Земляника, малина, черника, брусника, клюква - все это у нас в двух шагах от дома, собирай, не ленись. Теперь и он хоть бы что набирает этого добра по литровому бидончику. Зато уж и зимой потребляет с чистой совестью!

В огороде любимая его грядка - с горохом, свеклой и морковью. Вареную свеклу

зимою он ест, словно яблоки. Морковку предпочитает сырую.

- Вот спасибо, - нахваливал он меня недавно, - что ты дала мне работу, научила тереть морковку! - Себе натрет и нам, ест с хлебом, причмокивает: - У-у, как пирожное!

Когда же чего-то сильно хочется, а купить нет возможности, его выручает фантазия:

- Я тебе уже сто раз говорил, - протягивает мне ладошку, - вот - ви-ног-рад!

- Ну и что? - не знаю я правил игры.

- Так кушай!

С чувством юмора тоже все ладно.

Ходил-ходил над последней сарделькой, гадая, кому она достанется, а потом предложил отцу:

- Давай, как щенки в мультике, - ты с одной стороны, а я - с другой!

Для всех детей радость - варенье. К весне оно, понятно, кончается. И тогда начинаются муки ожидания.

- А варенье еще неросло в малинике? Как бы я его сейчас на блин намазал!

Зато уж когда наготовлены банки и спрятаны в подвал, нет сил дожидаться на-

ступления холодов. А мухи осенние, неистребимые кружат и кружат под потолком, не давая покою.

Он меня как-то укрыл с головою от них и сказал:

- Ты так полежи до зимы, а потом вылезешь и откроешь компот!

Вкусы детские меняются постоянно. Ничего нового и подозрительного в рот не запихнешь. От мяса чуть не ногами отбивался. А потом попробовал и заявил:

- Как в тарелке найдется кусочек, так его и съем. Я теперь любитель мяса!

На колбаску и сыр аппетит тоже бывает - когда они у нас бывают.

- У меня такое впечатление, что мне хочется еще бутерброд!

Пока был совсем малышом, не понимал еще толком чувства голода. Ляжет, бывало, а уснуть не может. Тогда и говорит хитро, чтобы мы не ругались:

- Что-то у меня животик хочет надеть штанишки и кофточку!

Ни за что раздетым не усадить было за стол, даже на минутку.

А теперь он стал почти взрослым - шестой год! - и заявил однажды:

- Я не хочу вырасти большой!

- Почему? - насторожилась я, полагая, что он задумался о смерти.

- Да потому, что не прокормить будет!

Господи, мы-то еще живем, а ведь есть где-то на планете и даже у нас в стране детишки, которые и впрямь голодны и дрожат при виде пищи. Не доведись никому испытать такое!

Нашему малышу хоть вспомнить есть что. Как-то приехала родственница в гости с банкой сгущенки. Ее вкус потряс его.

- Помнишь, - долго вспоминал он, - Катя привозила сгущенку? Вот она у меня в пальцы затекла, и я пахну ею. Понюхай!

Как-то пошутил о козе нашей.

- У нас Розка сгущенная - мало молока дает!

К чаю он всегда молока требует.

- Да не подоили еще, - отвечаю.

- А сгущенка есть?

- Кто тебе ее даст? - устаю объяснять и хочу поймать его на непонимании. - Коза, что ли?

- Кто-кто?! - поражен он моей глупостью. - Продавщица!

Не поймаетшь его уже и на незнании чужих потребностей в еде. Шутя, пугаю его волком - дескать, съест тебя, если не будешь слушаться!

У НАС КОЗА РОЗКА СГУЩЕННАЯ -
МАЛО МОЛОКА ДАЕТ!

- А вот и нет, - хитро отвечает он, - волк волчьими ягодами питается.

Про собаку мечтает:

- Когда приедем в город, она пойдет там в кулинарию и будет есть собачью рыбу.

Правда, чем она отличается от человеческой, я так и не понял.

Копаясь в огороде, нашел червяка. Приставляет к уху "трубку" телефона:

- Эй, грач! Лети ко мне - я твой завтрак нашел!

А однажды сделал потрясающее для себя открытие.

- Я знаю теперь, чем какает курица!!

- Чем же?

- Яйцами!!

Согласитесь, что к таким - на природе, среди животных - познаниям очень немного нужно добавить на уроках по физиологии человека. Почти обо всем он уже имеет представление.

- Ну-ка, - тормошит отца, - открой рот!.. А почему у тебя живота не видно?!

- А ты свой видел? Или только снаружи?

Задумывается.

- Вот я наелся, и он у меня полный.

- Наверное, не живот, а желудок.

- Не, живот... Он у меня внутри, как гараж, - сюда поворот, потом сюда... У меня там даже трактор может работать, навоз разгребать!

Собственное тело для ребенка - объект изучения и любви, оно дает ему знание о жизни, и потому так радостно за него переживать.

- Я убежал от ребят весь, целиком, с косточками! - восторженно заявляет он.

Перед псом извиняется:

- Ты прости, но я не собака, у меня не шерсть, а кожа...

Ему очень хочется поделиться каждым впечатлением. Склонился носом к чему-то незнакомому на столе, заулыбался.

- Чем пахнет? - спрашиваю.

Вместо ответа подставляет мне свой нос: понюхай!

Однажды увидел у меня на спине царапину и говорит:

- Посмотри!

- Как? - нервничаю я.

- Как-как? Да повернись, плечо-то подвинь назад!

Сам бы попробовал! Когда ногти ему подстригаю, дергается, аж дрожит весь, боится.

Я предостерегаю его.

- Я УБЕЖАЛ ОТ РЕБЯТ ВЕСЬ
ЦЕЛИКОМ, С КОСТОЧКАМИ!

- Ты мне можешь пальчик отрезать, что ли?

- Да.

- А мне из магазина другой прилетит!

В его понятии это пока так просто!

- Если у человека нет головы, то прививку сделают на этом месте, и - будет голова.

Однако на мякине его не проведешь. В бане вымыла ему ноги и шучу:

- А где же третья?

- Ты что? - вытаращился. - У меня же нет, это у велосипеда две и еще одна впереди!

Самое большое откровение для него, что у нас по жилам течет кровь. Пытаясь понять это, он объясняет процесс по-своему:

- У меня мясо расплывается!

- Какое еще?

- Ну, в руках же, - показывает ладошки, - мясо, и оно расплывается в воде.

- В какой воде?!

- Дак кровь - это же вода!

Ему очень страшно, что она вдруг выпечет, и он дрожит над каждой болячкой.

- Я пальчик стукнул и плюней помазал, правильно?

Никогда (тьфу три раза!) всерьез не болевший, он прочувствованно относится к чужому недомоганию, наглядевшись на папины страдания.

- И спина болит, и руки ломит, и голова чугунная, - жалуется тот.

- Все болит, да? - присаживается рядом сын. - А сам-то - болишь?

У отца больная спина, позвоночник. Сорвал, поднимая пролет забора. Теперь кается, а сын на ус мотает.

- А я подбегу, забор подниму и - убегу со своей спиной, она у меня и не сломается!

Но даже через боль в деревне шевелиться все равно приходится, иначе зимою замерзнешь.

- Папа, тебе в больнице плохо спину полечили, ты поэтому дрова колешь?

А однажды сам захворал гриппом, температура подержалась денек и упала. Услышав об этом, мальчик слез со стула, оставив рисование, и улегся на пол.

- Ты с ума сошел? После болезни!

- Это я вам показываю, как у меня температура упала!

Потом болезнь свою не раз обыгрывал. Как-то не пускает меня в огород, держит калитку. Я начала сердиться, тогда он отступил и пояснил свое упрямство:

- Это ворота гриппом заболели. А теперь они открылись, потому что пошли принимать таблетки! Проходи, пожалуйста!

Слава Богу, здоровьем он не обижен. Может, потому, что живет на природе, на чистом воздухе и целые дни на ногах.

- Я так набегался, что у меня стало больше духу!

А потом жалуется:

- Что-то головка кружится... Тебе не кажется?

Думает, наверное, что это заметно снаружи.

- Мне - нет, а ты ляг полежи...

- Да нет, это не из-за лёга!

Как когда-то бабушка - мне, я своему сыночку наколдываю здоровья в русской баньке по-черному:

- Ехала из-за моря Хавронья, везла целый короб здоровья, тому-сему хлопок, сыночке - целый коробок!

Будьте и вы все здоровы и растите большими и умными! А в завершение - вам стихотворенье:

Привязалась хворобушка,

"пошабурой" называется.

Сын нахохлился воробышком,

на диванчике валяется.

И ничто его не радует,

даже не откроет глазочки...

Я усядусь с милым рядышком,

порассказываю сказочки:

как чертоги заповедные,
неразумно сокращаются,
и про то, как люди бедные
снова к Богу обращаются.
Сын поднимет взор измученный
и на тязло перекрестится.
За проплакавшейся тучею
я увижу с неба лестницу.
И по ней вернется ангел в дом,
с лебедино-белой шкуркой.
Жизнь опять пойдет ладом...
Убирайся, "пошабурка"!

ПОТОВОРИТЬ
ХОЧЕТСЯ!

Совсем я стала слепая - ни в книге, ни в газете ничего без очков не вижу. А недавно угостили вкусной карамелькой. Дай, думаю, запомню название и при случае куплю таких же! Да где там! Одно цветное пятно перед глазами, хоть плачь. А сынок тут как тут: давай я! "Сказка!" - кричит. Я не поверила, очки нашла - и впрямь "Сказка". Впервые ведь осознанно прочитал слово. Бились мы, бились, сначала буквы, потом слоги - никак у него не получалось. Я отступилась, решив, что летом не до этого и что посеянное непременно когда-то даст всходы. Вот и дало.

Никогда нам не понять, по каким законам внутри нас происходят угодные всевышнему перемены. Они готовятся исподволь, не давая о себе знать и приводя порою в отчаяние. Но однажды - количество в качество! - просыпаешься ты или твой ребенок совсем иным. И мир вокруг, каждая его частица обретают названия, начинают звучать...

Не говорил сын лет до двух, лишь отдельные слова иногда обранивал.

- Это оттого, что поздний ребенок, - не стесняясь, намекали родные. - Не надо было...

Я не давала им закончить. Я-то знала, что мы давным-давно общаемся и разговариваем с ним, но на своем, достаточном для нас языке. Еще когда он только и делал, что лежал в кровати да на пеленальном столике, я плавно пыталась нащупать его биополе и слегка сжимала его, играя. Оно было упругим и отзывчивым на мою ласку, малыш улыбался и неумело похихатывал. С того времени мы начали понимать друг друга с полувзгляда, с полувздоха. Первые слова были лишь дополнением к тому счастью, которое мы уже имели.

Зато когда он заговорил предложениями, мы не знали, куда деваться. Он был, как намолчавшийся узник, выпущенный, наконец, на волю. Ни часу, ни минуты молчком - вы вообразите только!

- Помолчи! - умоляли мы. - Помолчи!

Он смотрел на нас со слезами.

- Ну еще одно словечко! - почему-то делал он ударение на первом слоге, и от этого становилось еще жалче его.

- Как ты мне надоел! - не выдерживала я, занятая своими бумагами.

- Я и сам себе надоел! Ты не сердись. Я буду сам с собой разговаривать... Моя душа... моя душа...

- Что твоя душа?

- Да говорить ей хочется!
- А ты попроси ее помолчать.
- Ладно, помолчу один разик... Вот и молчу, и буду молчать, и молчать, и молчать...

Попробуйте-ка тут не закричать!.. Наконец утомился. Ушел к себе. Вскоре возвращается на цыпочках. Тянет меня за рукав и, прикладывая палец к губам, шепчет:

- Ма-ам, а, ма-ам... Я придумал: я буду молчать. Хорошая задача, да? Вот я и молчу!

А я уже не кричу - я хохочу...

И начинаю вслушиваться в то, что он лепечет.

- Закрой глаза, я тебе что-то скажу.

Закрыла. Жду.

- Теперь открой. Сейчас я подумаю, что сказать.

И вывезет что-нибудь вроде "птицарогиана" или "змей-пирадуга". Кто такие, до сих пор не знаю.

Устав наблюдать за моими непонятными каракулями на бумаге, он - из уважения к моему занятию - интересуется:

- А работа у тебя большого роста? Как вышка?

Понятно, что волнует его не внутрен-

ОЙ, КАКОЙ ХОРОШИЙ ДУХ!

нее содержание, а то здание, которое я посещаю на пути к неведомому "начальнику" и надо ли мне вверх подниматься в страшном лифте.

- Не задавай мне пустых вопросов! - отмахиваюсь я.

- А полных - можно? Этот вопрос тебе не велик?

Представление о физических мерах вещей для него пока все перепутаны.

- Посмотри, как у меня нога поднимается, - на сто грамм!

- Глаза у нее посинели и стали совсем зелененькие!

Некоторые слова и названия производят на него столь сильное впечатление, что он торопится их вставить к месту и не к месту, не заботясь о верности произношения.

- Мамочка, давай скорее будем делать гениальную уборку!

- Я хочу гуркилесовой каши.

- Тетя Вера опять ушла на шабашню?

- А если у меня будет выражение крови?!

- Ой, какой хороший дух! - нюхает цветок.

- А когда опять покажут кино с Шарли Паклиным? Так смешно!

Отец сильно прижал его к себе, обнимая.

- Ой, ты меня чуть не зажмурил!

Вернулся от него из мастерской:

- Mamочка, я там чуть не заржавел!

- Как это?

- Холодно было!

Увидел, как с автобуса сошла соседская Анечка, студентка.

- Смотрите, Аня приехала из своего Голливуда! (Из Галича.)

- Mamочка, - спросил однажды, - а зачем снимают отперчатки пальцев?

Детективов насмотрелся, поняла я. Лишь позднее выяснила, как он "увидел" это слово: это когда от перчатки пальчики отрезаны...

Маргарин был у него маргарит, мать-и-мачеха - математик.

Когда у него заслезился глаз, он пожаловался:

- Смотри, какой у меня глазик некрасивый!

Печального человека обязательно спрашивал:

- Почему вы такой ревнивый?

А об отце, какой он в мое отсутствие, рассказывал:

- Он был такой соблазнительный - на

ЧАЮ С ВАРВАРОЙ!

диване лежал и тосковал, тосковал!

Перед затруднением поставила его собака незнакомой породы.

- Она совсем другой формы... Я боюсь этой собачке жизнь сломать.

Радостный, несет однажды от соседей миску творога.

- Это нам подарили, чтобы сорняки сделать!

И уплетал вечером сырники.

Рассмешил однажды "лошадиной" фамилией.

- Ну, этот, который из Кишинева... который кефир возит, ну... Никифоров!!

Напоила его удивительным чаем с бергамотом. На другой день просит снова.

- Можно мне чаю с Варварой?

- С чем?!

- С любопытной Варварой!

Каким образом переплелись в его сознании столь далекие друг от друга понятия?

Вместе с тем иногда мне кажется, что он точнее нас улавливает скрытый смысл и происхождение слов.

- Растительное масло, - утверждает, - потому, что от него растут.

Вздыхнул однажды:

- Что-то я чувствую себя не в своей тарелке.

- А в чьей?

- В чужой...

Прислушался к радио, долго улавливал мелодию и сделал вывод:

- Какая песня кривая!

И впрямь, слушая иные, как по колдобинам скачешь!

Воспринимая все вокруг как живое, спросил про рукомойник, у которого заело носик:

- А почему умывальник не хочет со мной разговаривать?

Повстречали ветеринара. Уточняет:

- Это собачий и коровий доктор, потому что он их чинит.

Папе протягивает расческу.

- Причешись, и будешь такой же красивец, как я!

Конечно, красивец, если от слова красивый! Но тогда и другой вопрос справедлив:

- Почему у поезда - машинист? Машинист должен быть у машины, а у поезда - поездник.

А знаете, кто такие "гаисты"? Это ра-

ботники ГАИ. А “вор” точнее звучало бы “краль”, правда? Не знаком вам “людиновый” цвет? Это цвет человеческой кожи.

Ему нравится жить в деревне, потому что...

- ...тут хоть на голове ходи. А в городе в квартире нельзя делать ничего громошительного!

Вы не замечали, как легко мы произносим целые фразы, не вникая в их первоначальный смысл?

- Ни за что бы я не поплыла! - воскликнула я.

- А я за что-нибудь бы поплыл! - взвесил сын.

- Ништяк! - сказали мы.

- Штяк, штяк, - успокоил он.

Залюбовался папиной резьбой по дереву - там подобия тюльпанов, лилий, гвоздик...

- Погляди, какая резантема! Вот какой у нас папа делальщик! Он у нас повелитель шкатулок, а ты - печатница, да?

Раз на машинке печатаю, конечно, печатница.

Для него нет еще переосмысления слов, он понимает их значение впрямую.

- Папочка, мама сейчас устроит мне го-

ловомойку! - и показывает на таз.

Прибегает однажды из деревни:

- У дяди Васи уже ягоды созрели!

- В огороде? - строго спрашивает отец.

- А он вас крапивой не угостил?

- А разве крапиву в рот кладут? Не в штаны? - сбит с толку пацан.

Однажды я едва проникла в тайный ход его мыслей. Увидел впервые отца в очках и вытаращился.

- Вот, - говорю, - папа очки получил.

Мальчик задумался и недоуменно спросил:

- Он что же, победитель?

Чувствую, что до сих пор ему не ясно, почему в *папке* с тесемками хранятся *ма-мины* бумаги.

И совсем не понятно ему, как из буковок на машинке вылетают слова.

- У тебя есть кубики, - провожу аналогию, - из них ты строишь и дом, и гараж, и корабль, и паровоз, и машину, так? Вот и я из одних и тех же буковок...

Замечает, что вслед за буквой ставлю восклицательный знак. Он его восхищает. Ему кажется, что чем громче и выразительней высказывание, тем выше ростом будет эта вертикальная черта.

- А вот этот знак - вопросительный, - продолжаю я урок. - Если сказать: "Мама, где ты, мама?" - то в конце надо поставить его. Понял?

- Ага! - восторгается он. - Выпросительный от выпрашивать, да?

Скоро, когда он начнет читать сам, он увидит, как пишутся слова, и они откроются ему с другой, не менее прекрасной стороны. Пока же для него главным является слух, потому, наверное, он и любит, когда я читаю вслух, особенно стихи. Со всем еще маленьким внимательно слушал Тютчева, Фета, Есенина, не понимая смысла, но улавливая переливы звуков и фраз. Пришлось ввести в его представление о мире понятие рифмы. Оно долго ему не давалось. Когда попробовали что-то выучить и безрезультатно, он почти заплакал:

- Не хочу больше! У меня уже зубы вываливаются!

Но однажды, отлежавшись в кладовых сознания, мысль о созвучиях строк стала ему родной. Он долго подбирал пример и вдруг запел:

- Крокодил-дил-дил, на охоту ходил!
Это рифма, мамочка?

Я одобрительно кивнула.

- А вот еще! - он ликовал. - Дай кисе-

НА КУХНЕ СЛУЧАЙ
ПРОИЗОШЕЛ!

ля - лево руля! Дай киселя - лево руля!

И тут же счастливо загудел, зафырчал
машиной - сел на своего любимого конька,
за руль.

Заманила, завлекла,
закружила рифма,
за собою увела
по словесным рифам.

И я прыгаю за ней,
как в лесу по кочкам,
как бездельник-дуралей,
среди дня и ночью.

Все азартней, все быстрее
поднимаюсь выше
и ныряю без затей
с небоскрежной крыши...

Ух, захватывает дух.

Выживу едва ли!

Лучше я часов до двух
отсижусь в подвале,
а потом вернусь домой
и закрою двери.

Пусть она придет за мной -
я ей не поверю!

Парнишка смеется...

Презрев телевизор, зимними вечерами
в деревне мы обязательно читаем книги.
Иногда, готовя еду, я какую-нибудь книжку
пересказываю.

- А где она у тебя? - озабоченно спросил однажды сын.

- В голове.

- А если я проверю? - поглядел озорно.

Не было ему и четырех лет, когда он попробовал впервые сочинить сказку.

- Жил-был таракан. Он пошел и съел много морковки. А его потом съел медведь. И умер. Потому что таракан был большой, а медведь - маленький...

Такая вот смешная история. Позднее его рассказы стали более осмысленны, логичны и увлекательны. Любое событие в его изложении может понять даже посторонний. Я постоянно исправляю его неправильное произношение, и он покорно, словно выполняя любимейшую работу, повторяет за мной верный вариант. Мир слова - безграничен. Вряд ли он сейчас ощущает это, но мне радостно, что это у него впереди. У нас с ним - впереди.

- На кухне один случай произошел! - так, едва научившись говорить, попытался заманчиво описать он свое падение с табуретки.

А недавно озадачил:

- Почему у тебя такой смешной прыщик?

- Это не прыщик, это родинка.

- Родинка? - попробовал он на вкус новое слово. - Это... это чтобы родину вспоминать, да?!

Выросли сочные травы до пояса.

Вырос сынок и помощником стал.

Звуки его светозарного голоса

Могут лечить, если очень устал.

Пчелы снуют над медвяными далями.

Ветер доносит жужжанье косы...

Долю другую пусть выбрать мне дали бы -

Не пожелала иной бы красы!

К вечеру сосны в лесу зарумянятся

И серебристо взыграет ручей.

Детство манящее грустно вспомнится -

Птицы кричали в нем: чей же ты? чей?

Все мы твои - разоренная родина,

Все мы твои, безразмерная ширь.

Так же растет у излучин смородина,

Так же, как прежде, в крапиве пустырь.

Как и давно, над озерной осокою

Ладит гнездо заплутавший кулик.

Все, что живет, наливается соками

И поднимает ликующий крик...

Все, что увяло, - уже не возрадует,

Не опашнет медоносным дымком,

Не расцветет многоцветною радугой,
Не затоскует в тиши ни о ком.
Грех уходящим врываться в живущее,
Грех рассуждать, кто умней или прав.
У молодых есть и вежи зовущие,
И боевой и выносливый нрав.
Смогут они излечить свою родину,
Смогут вернуть на начертанный путь!
Нам же - поесть бы досыта смородины
И на печи до рассвета вздремнуть.
Скоро поднимутся травы высокие -
Надо косить, и сушить, и копнить,
Чтобы и впредь они наполнились соками,
Чтоб не рвалась вековая нить.

Я В ЖИВОТНКЕ
СИДЕЛ

Это сынок наш так выразился о своей преджизни, когда наконец речь зашла об ее тайнах.

- Ты у меня родился...

- Я не родился! - оборвал он.

- Откуда же ты вылез? - намекнула я, желая прощупать его познания. Они были наивны.

- Из кустов! - ответил сын.

Позднее он выведал у меня некоторые секреты и дополнил их своим воображением:

- Я у тебя в животике сидел. Там был домик с коридором и с бочками кушанья. Ты была во-от такая!

О том, что чувствовала и о чем думала в эти месяцы мама, пока опустим. Важно, что он явился на свет желанным и любимым, не испытал никаких травм при рождении и на мир глядит доброжелательно и доверчиво. То же и мы стремимся закладывать в нем.

Одно время не давали ему покоя змеи, виденные в лесу. То и дело он вставлял в беседу упоминание о них.

- Да расскажи ты лучше что-нибудь хорошее! - не сдержались мы.

- А разве они не такие же божьи твари, как птицы, как мы?

Вычитанное вслух из книг легло на плодородную почву. Однако сложности размножения живых существ ему недоступны пока даже на кошачьем примере.

- Наша Ньюшка родила Мавика, а Мавик - Ньюшку, - приблизительно так выглядят в его интерпретации взаимоотношения отцов и детей. Оно и понятно - в его годы даже тайна биения в груди расшифровывается без сомнений:

- У меня в животе у сердца стабилизатор, как в холодильнике!

И вот он трудится, этот "прибор", не давая себе передышки, и сотворяет чудо превращения новорожденного - в громаду - взрослого со всем комплексом его неразрешимых проблем. Куда бы и торопиться, если бы знать? Но в детстве так хочется поскорее стать взрослым. Зачем?!

- Я хочу пива!

- Маленьким нельзя.

Мигом залез на скамейку:

- Скорей наливайте, вон я какой!

Однако хитрость его не прошла. Тогда позднее он развил свою мысль. Вымыла я три яблока, положила на стол.

- Ешь скорей, это витамины, большой вырастешь!

ВОН СКОЛЬКО ЕЩЕ
ЯБЛОК ПОКУПАТЬ!

Вскочил на стул:

- Вот уже какой!

- О-о! - усмехнулась я. - Как только эти съешь, сразу до потолка достанешь головой!

Тут же соскочил на пол.

- Не-ет, я совсем еще маленький, вон сколько еще яблок надо покупать! - и указывает вверх.

Когда зимой ему удалось пристроить свои валенки в мои крепления и протащить за собой по снегу полозья, он воскликнул с гордостью:

- А ты и не знала, что мальчик может на маминых лыжах?!

Его планы на завтрашний день грандиозны, как у всякого малыша.

- Я вам построю большой-большой дом!

- Если вы научитесь водить, я куплю вам машину!

Однако на все его средств, похоже, не хватит.

- Я хочу на озеро Байкал. Ты мне купишь корабль? Только чтобы снизу ножки были, чтобы туда не упасть!

Показали по телевидению проект "современные сказки". Он следил неотрывно.

- Что, - спрашиваем, - тоже хочешь стать президентом?

А ТЫ И НЕ ЗНАЛА, ЧТО
МАЛЬЧИК МОЖЕТ НА
МАМИНЫХ ЛЫЖАХ!..

- Даже думать не хочу! - замахал руками.

- Отчего?

- А что он делает? Зачем он нужен? - словно зная положение дел, убежденно спросил сын.

- А кто же все делает?

- Люди! - был ответ. И то была истина, изреченная устами младенца.

Потому-то иногда хочется даже к глупости детской прислушиваться всерьез. Как знать, откуда в них эти неожиданные знания о нашем взрослом мире? Что им известно наперед?

В четыре года он заявил:

- Я всю свою жизнь знаю.

- И где же ты будешь работать?

- На компьютере.

- И жена у тебя будет? - заинтересовались мы.

- Да, и дети.

- Сколько?

- Трое, - он отвечал без запинки, словно считывал откуда-то.

- А где же ты будешь жить?

Он обернулся на рисунки на стенках своей деревянной кровати и, не отыскивая нужное, сразу ткнул пальцем в бегемота.

- В Африке, что ли?

- Да.

- А чем же там заниматься?

- На лодке кататься туда-сюда...

Это было уже похоже на пустую болтовню.

- А работать когда же?

- Когда не кататься!

На лице его не было и тени сомнения в реальности увиденной картины. Жаль, мы - по возрасту - вряд ли сможем проверить эту информацию...

Представления о взрослости в детстве прежде всего связаны с размерами.

- Вот, - протянул он мне черничину, - это самая старшая ягода!

- Самая крупная, - поправила я.

- Нет, больше - значит, старшая!

Однако время с его течением задает все больше вопросов и ему.

- Где прячется завтра? - гадает он. - Вверху? Внизу? Сбоку?

- Может быть, внутри? - стараюсь помочь.

- Нет, оно - наверху! - находится он. - Как последний этаж в доме!

В то же время поймать его, время, никак не удастся.

- А когда я буду папой, кто у нас будет мамой? Ты?

Как желала бы я быть с тобою во все времена, малыш! Чтобы и через десятки

лет ты говорил мне, как теперь:

- Как я по тебе поскучился! Ты радуйся мне, и не бойся, я всегда буду рядышком!

Когда он впервые заявил: "Как мне жалко тебя, что ты умрешь!", сердце мое залило горячей волной благодарности. Потом я поняла, что зря обольщалась, ведь его возрасту еще не доступно любить поцветаевски, "за то, что я умру". Он и сам поправился, не заметив, какая разница в двух его фразах:

- Жалко тебя, ведь ты умрешь, и мне без тебя будет плохо!

Конечно, ему будет плохо, потому что терять всегда больно. И могла ли я, знавшая это по себе, как и всякий, без боли слышать его не осознанный еще крик одиночества? Кого могла я оставить ему в мире взамен родителей?..

Одиноко, одиноко...

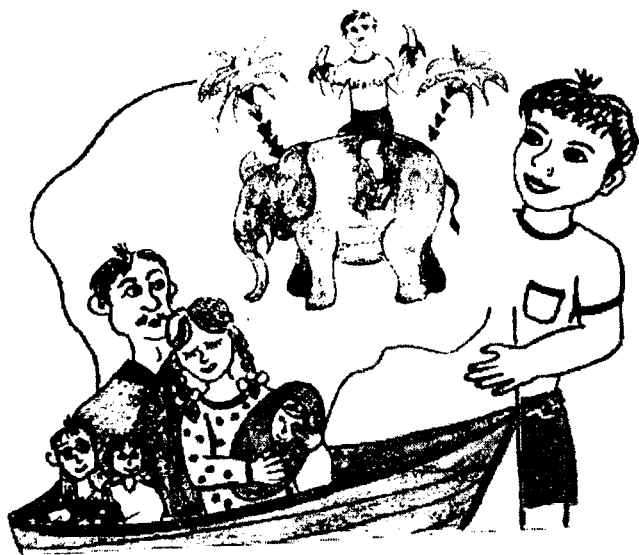
Как глупа я, как грешна!

Одиночество - не око,
не буханка, не мошна.

Одиночество - утрата,
но не денег, не людей,
а прискорбнейшая дата
искажения идей.

Одиночество - затмение.

Разве кто-то одинок,
если с каждым неизменно всюду Бог?..

Я БУДУ ЖИТЬ В АФРИКЕ!

- И почему ты у нас такой добрый да ласковый? И кто тебя научил быть таким? Или ты таким и родился?

- Родился! - отвечает уверенно.

- А кто же тебе так сказал, каким надо быть?

- Как кто? Боженька!

- И за что же он нам дал такого помощника, такого хорошего мальчика?

- Потому что вы хорошие, вот и дал!

Однажды удалось подслушать, как наши уроки преподавались другим. Он, как взрослый, поучал мою подругу, словно маленькую:

- Ты как думаешь, душа у тебя хорошая? Если твоя душа будет себя правильно вести, так Господь даст тебе ребеночка, а если нет - не даст. Так что решай сама!

Когда я анализирую его поведение и мысли, мне кажется, что пришел он в мир совсем не ребенком и не для того, чтобы набивать первобытные шишки. У него за спиной опыт множества прожитых жизней, оттого не капризничает он, не спорит попусту, не противится указаниям. Задача его теперешнего воплощения не сравнима с детскими мелочами, она в познании и преодолении чего-то большего, до чего он еще не дорос. И лишь немногие детали бытия нужно ему теперь вспомнить, чтобы точнее ориентироваться на Земле.

- Значит, - спросил он о дне рождения, - человек каждый год умирает и снова рождается?

Это был удобный момент, чтобы подвести его к идее реинкарнации. Я не хочу, чтобы мой сын, - как когда-то в детстве мы, воспитанные атеистически и без надежд на вечность, - корчился от страха смерти! Ее нет и не может быть, потому что не может быть никогда. Душа наша вечна, и это слишком просто, чтобы не понять ребенку. Он и не противился ничуть, он тут же начал осваивать новый философский плацдарм.

- Мы наберем целую корзину, да, - это мы на бруснике разговорились. - Потом когда-нибудь умрем, а когда родимся опять, то и будем кушать эти ягодки, которые заготовили, да?

Я улыбаюсь светлой перспективе и скрашиваю ее еще больше.

- Уж если родиться вновь, то лучше где-нибудь в Африке или в Индии, хоть бананов наедемся да на слонах покатаемся.

- Ага-а! - в восторге он, и смерть ему не кажется ужасной. - А если наша Филька, - это собака, - умрет, а потом родится в Англии, то я поеду и буду с ней там жить!

Именно это, как ни странно, и утверждают соответствующие книги - мы беспрестанно крутимся в среде одних и тех же личнос-

тей, которые лишь меняют свой облик, становясь из мужчины - женщиной, из отца - мужем и т. п. Но об этом пока рано...

Он уже слетал в деревню и поделился своими сведениями с другом-школьником. Домой примчался сбитый с толку.

- А Сашка говорит, что люди больше не рождаются!!

- Ну и пусть говорит, просто у него дома нет таких книжек, какие читала я, и в школе про это еще не проходят. Но ты уже знаешь, и хорошо, и верь мне.

От друзей одно время он приносил какие-то дурацкие рассказы про скелеты, подвешенные в лесу.

- Да что хоть за ерунда?! - устала я вникать.

- Не ерунда. Мне хочется понять, понимаешь? По-нять! Ты меня выслушай сначала. Ерунда ведь должна когда-то кончиться? Вот она скоро и кончится...

К сожалению, не в окружающей нас жизни! Она для того и придумана, чтобы вынудить человека выбирать между пустым и умным, пошлым и чистым, злым и добрым.

- Я понял: животных выращивают, а потом едят, да?

Я киваю. Он куксится, пытается выдавить из себя слезу.

- Жа-алко...

Когда-нибудь дойдет человечество и до этого. Быть может, с твоей, сын, помощью. Если вас, таких, будущих взрослых, наберется много, то все будет нормально!

Не хочу излишне заострять его внимания на серьезной теме и перебиваю:

- А сегодня начинается новый длинный мультик!

- Какой?

- Про Лондон.

- И так всегда будет? - вылавливает он свое. - Один кончится, другой начнется, потом кончится и опять начнется! И так до самой моей смерти, да?

Я кивнула, и он продолжил неожиданно:

- А потом я умру - и буду снова родиться, умру - и снова, и так до самой последней моей смерти, да?

- Последней не будет!

- А самая-самая последняя?

Я гляжу в его встревоженные глаза. Не понять ему, что все мы когда-то станем частицами света, - ведь предстоящий путь преобразования так грандиозен, что не похож на реальность... Я гляжу в его вопящие глаза и отвечаю убежденно:

- Самой последней - не будет!

И вспоминаю, как мы читали сказку про

женщину, которая обратилась в кукушку. Дети ее всегда были непослушными, а когда она заболела, то даже пить ей не подавали. Она и оставила их, улетела навсегда. Сказка была о смерти. Наш мальчик шестым чувством уловил это и оцепенел от ужаса неизбежного расставания.

- А если я буду плохой? - вкрадчиво спросил он.

- Ты хороший!

- А если потом буду плохой?

- Не будешь!

- А совсем потом, тогда ты что..?

- А я буду ждать и верить в тебя и никогда не улечу!

- А если...

Я обняла его и не дала заплакать. Я-то знала, что никогда не улечу...

- Спорим, - тормозит он теперь нас каждый день, - спорим, что и вы, и я завтра еще не умрем? Спорим?

Спору нет - земная наша жизнь столь прекрасна, что сравниться с нею может разве что вечность...

Я знала давно, что кончается все: недуги и боли, печаль и запреты, уходят закаты и даже рассветы, - кончается все!

Приходят к концу неудачи и счастье,

весенние ливни, цветенье берез,
дни, полные веры, сомнений и грез, -
все в мире в руках

у Божественной власти!..

И что у Вселенной свои есть закаты,
мне было и это нетрудно принять,
но лишь одного не могла я понять:
как вдруг мы с тобой
прекратимся когда-то
подобно закату?..

Теперь, через годы, скажу не греша:
бессмертна душа!

И стоило

жить с тайной верой

и ждать,

чтоб эту уверенность

вам передать.

ЛЮБОМЫ
НА МАШИНЫ

Когда у меня росла дочка, я переживала, что за игры у нее - то клюшки, то пистолеты, то машины. Просто супарень какой-то! Однако выросла она, слава Богу, в величавую девушку, замуж собирается. А свой детский грузовик, сохранившийся почти новеньким, подарила младшему братцу. Когда через неделю от него остались одни колеса, я поняла, что такое, когда в семье подрастает мальчик. Впрочем, разница обнаружилась гораздо раньше, едва сынишка стал произносить первые слова. После традиционных "папа", "мама" и "кушать" однажды он вполне осознанно сказал:

- Трактор!

И поглядел за окно - мимо него в сотый раз на дню пронесся трактор. В деревне это не удивительно, особенно по весне. К тому же, мальчишек всегда тянет к технике, инстинктивно. Но чтобы так, как его!.. Казалось бы, за грибами идем. любимое занятие, а он даже песню напевает не простую, а водительскую:

- Дорога, дорога, осталось немного...
Крепче за баранку держись, шофер...

Собака за ним бежит, верный друг. Недавно появились у нее щенки. Он и спрашивает:

- А у кошки нашей есть в животике котятка?

- Не знаю, - говорю, - но думаю, у нее там одна каша.

- Не-а! - отвечает убежденно. - Там машина для меня!

Везде-то они ему мерещатся! Слов еще нужных не знает, а туда же:

- Смотри, смотри, машина останавливается, а огонек у нее не бибикает!

Исправляю. В тот же день, слышу, по радио рассказывают про Екатерину Великую. Он на полу с машинами возится; что ему до исторических событий. Однако и тут умудряется выловить нужное.

- Катерина Бибикая, - комментирует, - Катерина Бибикая!

Тормошу его, чтобы идти в магазин.

- Одевайся!

- Сейчас, - отвечает, - только заведусь!

Так "на машине" и "едем" за хлебом. Он фырчит и сигналист на поворотах, а когда я устаю, "подвозит" меня с ветерком. По дому он, как с рулем, носится со своим пластмассовым горшком, остановить невозможно. Пока делали новую дорогу за деревней, укрепляли насыпь, с утра до вечера следил за бесчисленной техникой, привозившей песок, щебень. Затем уселся у

отца в гараже сколачивать себе из деревяшек грейдеры - свою дорогу во дворе содержать в рабочем состоянии. Тут уж не до нежностей! И напрасно я подколола его, когда мимо проходила соседская Аня. Влюбленный в нее с пеленок, он начал глупенько фырчать. Чего?

- Я с ней больше не дружу. Я теперь грейдер люблю.

Против таких конкурентов никто не устоит. Когда ему понадобилось рассказать о чьем-то облике, он отмочил:

- Красивый, как тракторист в тракторе!

Это потому, что основная игра у него с деревенскими ребятами - в трактористов. Каждый норовит стать Шабаловым - это передовик в хозяйстве. Тот же, кто не успел на его роль, довольствуется другими образами. Трактор сменяется бульдозером, комбайном. На ходу рождается песенка без мелодии:

- В поле расте-ет ове-ес, приехали комбайны и жМут его-о!

А однажды чуть не расплакался, увидев на обочине колеса от "трактора, который умер".

Я люблю, когда он серьезный, задумчивый. Хочется, чтобы стал он не последним человеком.

- Что у тебя сейчас в голове? — спрашиваю вкрадчиво.

- Мысли.

- Про что? - трепещу я. Может быть, о смысле жизни?!

- Про машины, - отвечает лирично.

И что тут поделаешь? А то вдруг становится неуправляемым и носится по двору, подражая вою сирены.

- Не с ума ли ты сошел?

- Нет, это я поехал бандитов ловить! - приостанавливается на мгновение. - Видишь, вон они сидят в столовой, лимонад пьют!

Понятно: нагляделся детективов. Он не слишком охоч до телевизора, но иногда вдруг как прилипнет к экрану.

А события там разворачиваются даже для меня неуловимые, только муж и понимает. Что же, вы думаете, извлекает для себя из фильма наш сыночек? Угадали: машины. Теперь ведь и милиция-полиция, и шпионы разные, они все друг за другом на автомобилях носятся. Вот уж радости, если у кого-то вдруг сломается!

Однажды в сельском автобусе я покраснела за него. Сел и уставился в картинку на стекле, на которой огромная

обнаженная девица изображена. Я и так его отвлеку, и этак, Конечно, сердиться бы на шофера надо, что вкусы свои пассажирам навязывает, но лучше промолчать, не то высадит посреди дороги. Вот я и спрашиваю пятилетнего парнишку, чтобы как-то скорректировать его восприятие женского тела:

- Что, нравится девушка?

Молчит, насупившись.

Провожу профилактику:

- Но зря она совсем разделась, да? Ты не смотри.

Он отворачивается к окну и шепчет:

- Я не на нее, я на машину...

И только тут я замечаю в самом низу, ниже ее коленей, красный импортный автомобиль. Слона-то я...

- Мне бы такую...

Я не отвечаю. Ему сколько машин ни покупай, все тут же разбирает на части, чтобы понять, из чего она сложена. Говорят, это хорошо, это любознательность. Может, из него гениальный автослесарь вырастет, а торможу развитие, когда ругаю. А может, он станет классным гонщиком? Кто-то из шоферов назвал его недавно «коробкой скоростей» - так он

неделю от счастья рот не закрывал и всем представлялся этим новым именем. И как-то с нескрываема́й гордостью он спросил:

- А правда, что в Москве есть завод имени Лихачева?

Фамилия у моего сына Лихачев...

Однако вижу, в автобусе он задумался о чем-то всерьез.

- А за сколько лимонов можно такую купить? - опять бросает взгляд он на машину в ногах дамы, и я понимаю вдруг, что это он уже о настоящей.

- Не знаю. Несколько точно надо, - не придаю значения вопросу.

- Ну дак ты не ешь тогда этот! — умоляюще смотрит на меня.

- Како-ой?

- Ну, этот, который купила, попей чаю так. А потом еще купишь, вот и накопим, а?

Сзади нас кто-то уже не сдерживает смеха.

С каждым днем его интерес к технике все неистребимей, моего терпения уже не хватает вслушиваться в непонятные мне названия, и я отсылаю его с его мужскими проблемами к отцу. Пусть разбирают-

ся! Мне больше нравится, когда сын собирает со мной ягоды. Или цветы. Выкапывает морковь. Или, на худой конец, носится с собакой. Как теперь вот. Заглядывает в дом.

- Хорошо жизнь?

- Хорошо! — улыбаюсь ему.

- А мальчишки вашего нет? — шутит он.

- Нету.

- Наверное, в поле за трактором бегает! — отвечает сам себе. — Поеду поищу!

И, едва выйдя на крыльцо, «заводится».

- Бензинчику подлей!! — со смехом протягиваю ему в окошко кружку с молоком. Но его и след простыл!

Завтра утром, если я не успею подняться раньше него, его машины изъезжают и меня!

В один из таких дней у меня само собой пишется стихотворение.

Я превращаюсь утром в автотрассу,
И множество машин, гудя, звеня,
проездом со спины и до матраса
вещают для меня начало дня.

Я превращаюсь утром снова в маму,
И мою, и стираю, и варю,
И проверяю у сынишки гаммы,
И даже «Домострой» боготворю.

Я превращаюсь снова в ангелочка
И скромницу, каких не видел свет.
А если и была шальная ночка,
На то во мне намека даже нет.

Все просто: по утрам я автострада!
Машины мчатся, воя и звеня.
И это — несравненная награда
И лучшее в семье начало дня.

ЧТО ТАКОЕ
ХОРОШО

Кроха сын к отцу пришел... и стал его, лежащего, гладить по спине и говорить:

- Папа хороший, хороший!

Тот, больной, усмехнулся:

- Ага, когда сплю зубами к стенке!

- Не-ет, всегда хороший, и сейчас хороший!

Поглядев на меня, муж сказал:

- Вот как я заслужил!

- Ясно, мамочка? - пристроился к нему сынок. - И ты заслужишь!

Желала бы, более всего на свете! Потому что нет ничего ужаснее, чем выглядеть плохими в глазах собственных детей. Они же на нас равняются, в нас видят пример, по нам определяют, в каком направлении развиваться.

- Мама, - спросил меня строго сын, - а ты когда-нибудь поступала плохо?

О, милый, если начать здесь перечислять все мои ошибки и оплошности... Для этого будет другой день и час. Становясь седыми, мы перебираем в памяти каждый свой шаг и пытаемся понять, напрасным он был или сослужил добрую службу. Боль-

шинство наших проступков формируют в нас представление о том, что хорошо и что плохо, ведь за неправильное поведение с детства приходится расплачиваться душевными страданиями или - мягким местом... Со мною это случилось не раз.

- Так ты поступала плохо?

- Да... когда была маленькой.

- А когда ты была маленькой?

- Так давно, что кажется, словно было это не со мной.

- А я ведь послушный, да? Я все, что вы приказываете, делаю, что даете, все ем.

Я киваю и вновь поражаюсь, насколько он управляет и восприимчив. Ни одну просьбу не нужно повторять дважды, ни одно задание не пропускает он мимо ушей, ни одно замечание не оставляет не усвоенным, в любом запрете докопается до его смысла и уже не перечит, вняв ему. Только скажет:

- Ладно, я вас слушаюсь, ведь папе и тебе нельзя спорить с тем, кто дедушка и бабушка, мне - с папой и с тобой, а самым маленьким - со мной, да?

И вместе с тем он тоже нащупывает по земле свой путь и синяки и шишки - свои собственные - набивает тоже.

Как-то поссорились они с отцом, и тот шлепнул его рукой. Это уж надо было его, спокойного, вывести из себя!

- Ищи ремень! - приказал он.

А для «профилактики» ремень у нас имеется специальный, мягкий, как кошачья лапка без когтей. Но парнишка его все равно боится. Не столько его, пожалуй, сколько гнева нашего. Трудно жить нелюбимым!

- Я лучше проще-енья попрошу-у! - мычит он сквозь слезы.

- Не надо мне его! - пытается выдержать строгость отец. - Ищи ремень! И игрушки убери со стола!

Как за спасательный круг, сын хватается за игрушечный развал. Вдруг за то время, пока он наводит порядок, туча уйдет, и снова в доме выглянет солнышко? Он знает, как помочь этому. Он усердно собирает игрушки и постепенно перестает шмыгать носом.

- Папочка, я сейчас найду мой поротьный ремень и дам тебе, я сейчас! И мы будем дальше жить дружно, да? - он поглядывает на отца с верою и надеждой.

Не с такими ли чувствами и мы, взрослые, взираем на небеса, ожидая в очеред-

ной раз, бессчетный раз прощения? - Ведь ты же хотел, чтобы мы жили дружно, да?

Грозу утягивает на другой конец деревни. У нас она редкая гостья, чаще покой, добрая тишина, когда каждый занимается своими делами, - дома ли, на улице ли.

- Ну можно мне на коленочки к тебе? - просится сын, глядя ласково.

- Зачем? Ты же большой.

- Просто посидеть, на мир посмотреть...

Я знаю - когда он спиной прижимается к моей груди, он становится защищенным и сильным, как взрослый. После этого ему хочется горы свернуть. Начинает сам застилать свою большую кровать.

- Да не мучайся ты! - говорю. - Я сделаю!

- Мамочка, я мучаюсь - это мое дело. Я же твое делать не буду!

Любимая у него присказка - «мы же мужики!» Обязанности у нас в деревне четко делятся на мужские и женские, и он, хвостиком ходящий за отцом, усваивает все, что нужно будущему хозяину дома. Иногда я подыгрываю ему, чтобы показать, что не все мне по силам, - дрова, например, пилить, колоть, и он, отвозящий все за

...СЕЙЧАС НАЙДУ
ПОРОТЕЛЬНЫЙ РЕМЕНЬ!

отцом к пленницам, горделиво произносит:

- Ну никакой ты не мужичок, мама!

Когда же я вдруг снисхожу до помощи им, сын радуется:

- Добрый ты у нас с папой помощник!

Еще и кушать нам готовишь, и стираешь!

- И в бане тебя моет! - добавляет отец.

Однажды допустила я какую-то оплошность, и муж пошутил:

- Ай да мама, надо ее наказать!

- Нет! - вступился сын. - Женщин бить нельзя!

- Лъзя, лъзя! - подначил его муж. - Их каждую субботу нужно учить уму-разуму.

- Каждую субботу им нужно в бане спинку тереть! - высказалась я.

- Да не-ет, каждую субботу нужно смотреть «Поехали!» - отрекламировал сын.

- Вот так!

Меня поразило его замечание, что нельзя поднимать руку на женщин. Никто ему это нарочно не внушал, но уважение друг к другу, царящее в доме, видимо, учит само.

- Такую красивую женщину убили! - вздохнул он во время сериала «Последняя жертва», не помню уж, о ком.

- Ну? - подхватил муж. - Понимает толк в красоте! Ты что же, женщин любить будешь?

- Конечно, - не уловил подвоха сын. - Я же маму свою люблю, и женщин любить буду. Надо всех людей любить, правда?

В этом вопросе его слова пока не расходятся с делом. Он действительно любит всех, потому что никто еще не успел сделать ему ничего плохого. То ли это от деревенской изолированности, то ли карма у него такая? Ведь идя навстречу людям озлобленными, мы зло и встречаем. Зато добро и доверие, написанные на наших лицах, легко распознаются светлыми людьми и притягивают их. А злые бегут от света, как черт от ладана, и теряют свою отрицательную силу.

Когда я наблюдаю за игрой сына с друзьями, я угадываю, каковы отношения в семье. Если один парнишка хитрит, обмануть друзей пытается, значит, дома он меж отцом и матерью, как меж двух огней, гадает, кому и как угодить. Если другого прямо раздирает, что у нашего есть защитник-отец, - так и норовит его ужалить побольнее, вызвать слезы, - значит, раз-

вод родителей нанес ему непоправимую травму, и никто, кроме матери, не может этого исправить...

- Ты чей? - долго приставали к нашему сынишке, пока он был совсем мал. - Мамин или папин?

Сначала он ответил «папин», но заметил на моем лице тень, шутливую, понятно, и исправился - «мамин!» Тогда, подыгрывая, вздохнул отец. И мальчишка радостно закричал:

- Я папин-мамин, вот я какой! Когда идем в магазин и прибираемся, я мамин, а когда дрова колом или мама уезжает, я папин!

Позднее он выразился точнее и глубже:

- Кто рожал, я от того ухожу к папе, чтоб ему сыном быть!

- Если тебе что-то плохое приснится, ты прибегай ко мне!

Я понимаю: за его «мужицким» плечом прячется детская пугливая душонка. Как и все детишки, он не любит темноты, и если предлагает свою помощь, значит, нуждается в ней сам. Это по себе я заметила - когда идем в дальний лес без отца, я слегка трушу, но голос мой становится нарочито бодрым. Я храбрюсь, чтобы не напу-

гать сына. Так и он теперь. Я ложусь к нему под бочок.

- Вот теперь видно, что пришел настоящий друг. Я чувствую!

И тут же отключается.

Взрослым уже не вспомнить того детского интереса к миру, который позволяет маленьким сутки держаться на ногах и всячески избегать постели. Какими только хитростями их не укладывают спать! Мы по деревенской традиции долго призывали в помощницы бабайку - родственницу бабы Яги. Приходила она по лесной тропе и «стучала» к нам в дверь. Чтобы не встречаться с ней, малыш тут же засыпал, а ее предусмотрительно просил отправить проведать его друга.

Потом он вдруг стал ее бояться, заплакал, и мы решили, что пугать на ночь - неладно. Теперь в гости к нам вечером спешит сон-обломон, добрый и сговорчивый, однако, чтобы повидаться с ним, надо обязательно закрыть глаза...

Однажды на сон я рассказала ему про нашего козлика, который подрастал у козы. Нам пришлось его зарезать, но мальчика от этого зрелища уберегли. На вопрос же, куда он делся, пришлось сочинить историю про лес, куда козел отправился

гулять без мамы. Вот и остались от козлика...

- А с мамой ему можно было, да? - еще раз утвердился в своем правильном понимании мира сын.

Родительское слово, будучи сказанным, должно быть твердыней. Но как же часто мы его нарушаем, не замечая!

- Что ты кричишь на своего сынка и папу? - останавливает он меня. - Ведь так нельзя! Они же тебе родные!

Мне становится стыдно, а вдогонку еще урок:

- Вот какая ты! Мамы бывают только веселые, они мальчиков своих не ругают!

И он лукаво улыбается. Он знает, как растопить в моей душе печаль, тревогу или недовольство. На этот счет он просто волшебник.

А однажды... Закрутилась я в кухне, а тут он подлез. Того и гляди, заденет плитку или кипяtilьник.

- Уйди вон!! - сорвавшимся голосом заорала я. А поскольку такое бывает очень редко, он, испугавшись, заплакал.

- Ну, стукни меня по башке! - и он сам начал себя бить

Я протянула руку - погладить его по

голове, а он аж дернулся, думал - ударю! Мне стало жутко и неуютно на свете...

После таких сцен хочется быть с ним рядом неразрывно и все время посвящать ему. Он бегаёт по пятам, помогая, мечтает вдохновенно:

- За один день бы все дела приделать, а потом бы все со мной да со мной заниматься, да?!

В такие минуты слияния душ между нами пролет за пролетом выстраивается прочный мост. И так хочется, чтобы и через годы он не разрушился! Однако ловлю себя на том, что вдруг сама вношу в его незыблемую прочность коррозию.

Вечером, лишь бы он уснул, пообещала ему начистить семечек. Утром спрашивает меня: где?

- Ты уснул, я и съела, - отвечаю честно.

Муж покачивает головой, зная, с каким трудом я борюсь с собственной жадностью. Сын же, вместо того чтобы обидеться, спокойно кивает:

- Ага... ладно.

- А я знала, что ты не обидишься, вот так и поступила.

- И что же, - опешил он, - ты всегда будешь так поступать?!

Что же это я, а?

Угостила его одна женщина конфетами. Он две съел, а две я спрятала про запас. И тут он увидел, что идет друг.

- Мам, - сказал сын, - угости Артема конфетой!

Я стою думаю и привожу довод:

- Я же убрала их на полку! (Как будто так далеко!)

И вдруг слышу:

- У-у, жадная!

В глазах сына слезы.

- Да принесу сейчас, принесу!

А говорили мы до этого на улице. Я вынесла, подала им.

- Вот, - радостно затараторил он другу, - мама у меня не жадная, видишь?

Значит, они уже обсуждали это? Какой позор! Но я не успела провалиться под землю - я была великодушно прощена.

- Я не буду на тебя обижаться, мама.

Утверждают, что волшебное слово - «пожалуйста». А по-моему - «прости». С ним проходим мы через все детство, веря, что оно отмыкает все замки. И только потому, что оно совершало свое волшебство, мы доживаем до взрослости.

Но куда же теряется оно потом? По-

чему мы становимся такими черствыми, не слышащими друг друга? Мы никого не просим простить нас - мы гордые. Мы никого не хотим прощать. А ведь суть нашей жизни от возраста не меняется: мы идем и идем вперед, учась на собственных ошибках. Мы идем, меняемся и неизбежно становимся лучше. Зачем же презираем других за их прегрешения? Зачем хотим выстроить все на свой лад и вкус?

- Это я виновата-ат... и вы меня никогда не прости-ите, я зна-аю... и я буду лучше умира-ать... - не могу забыть этой истерики сына. Нельзя жить непрощенным! Хорошо - прощать. Без этого ни под одной крышей не будет мира и согласия.

В одной из книг Льва Толстого для детей есть сказка про Машу и ужа, за которого она вышла замуж и стала жить с ним под водой. И так это оказалось не по нраву ее матери, что она исхитрилась и зарубила ужа.

Видели бы вы реакцию нашего сынишки! Он все понял на уровне взрослого человека и едва не заплакал по-детски и замахал руками:

- Ну зачем же она так? Пусть бы они жили своей жизнью! Зачем было им мешать?

Он интуитивно знает: какие ни есть, двое друг подле друга находят свое счастье и тянутся к свету, иначе их не свела бы судьба. Как тут можно вмешиваться и советовать.

В минуты нежности - никакому возрасту это не заказано - мы останавливаемся с мужем посреди дома и обнимаемся, как впервые. А сын, откуда ни возьмись, оказывается тут как тут. Он третий, но не лишний. Он пристраивается в ногах - как грибочек в корнях могучих деревьев. В доме ясная погода, и ему ничто не грозит.

Что ты хмуришься, мое солнышко?

Что ты клонишься на закат?

Наших дней перезрелых донышко
каждый был бы увидеть рад.

Никому его, сокровенное,
не доверю и не отдам.

Мы с тобою несовременные,

Ева я, а ты - мой Адам.

Все - впервые. и все так трепетно,
словно нет у нас седины.

И сыночка блаженным лепетом
мы с тобой не обойдены.

Давай сядем втроем на бревнышко,
словно древний свершим обряд.

Что ж ты хмуришься, мое солнышко?

Золотистый у нас закат!

1997 год

СОДЕРЖАНИЕ

Ехала хавронья.....	3
Поговорить хочется.....	19
Я в животике сидел.....	37
Лимоны на машину.....	53
Что такое хорошо.....	62